

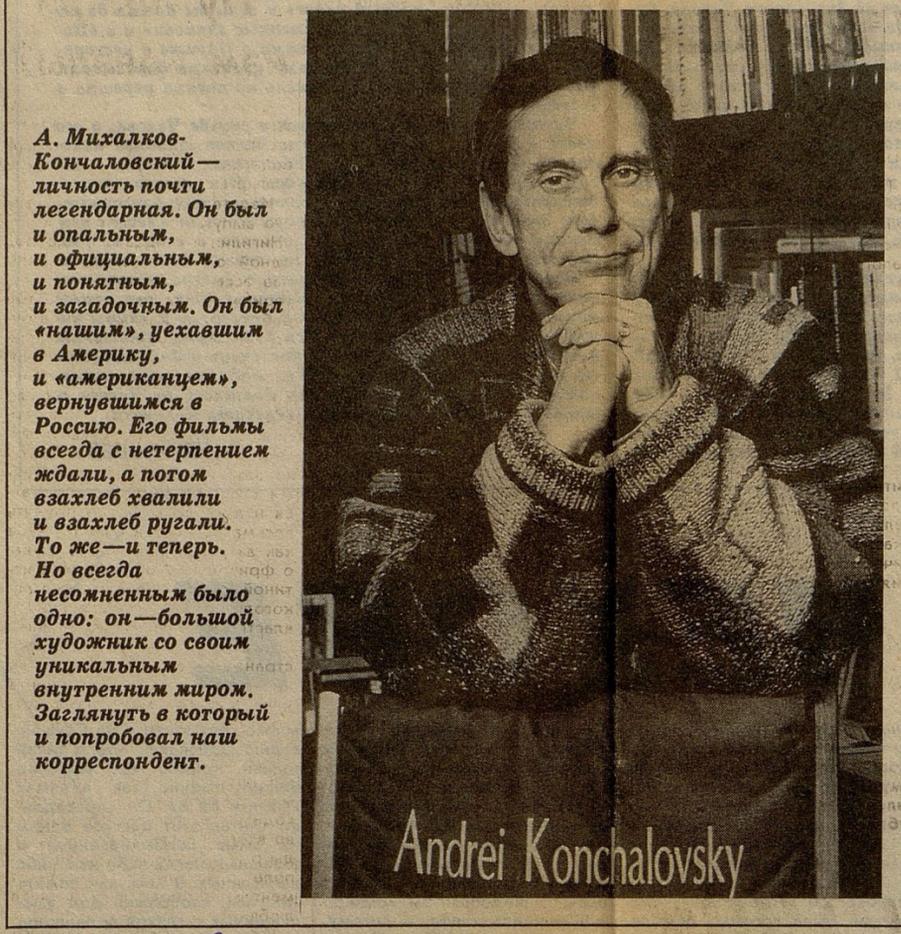
— Андрей Сергеевич, есть такая притча: пришел как-то юноша к старцу и спросил его: «Отчего, когда путник стучится в дверь к бедняку, тот его и обогреет, и накормит, и с собой кусок хлеба в дорогу даст, а постучится к богатому, он его и на порог не пустит». — «А ты подойди к окну, посмотри, что там видишь». «Да вот, вижу деревья растут, женщина ведет за руку ребенка», — сказал юноша. «Теперь подойди к зеркалу и скажи, что видишь в нем». — «А в зеркале я вижу только себя», — ответил он. «Вот! — воскликнул старец, — стоит только к простому стеклу добавить чуть-чуть серебра, и человек, кроме себя, вокруг уже ничего не видит». Скажите, Андрей Сергеевич, а в какое стекло смотрите вы!

— Это не совсем справедливо сказано, это не закон. Конечно, правда, что деньги, слава и власть для человека являются большим испытанием, но это не значит, что обязательно губят его — все зависит от самого человека. Иначе бы не было таких замечательных людей, как Мамонтов, Третьяков, или того же банка «Чара», который финансировал картину «Курочка Ряба». Очень правильно сказал мне директор этого банка: «Никто не помнит, каким бизнесом занимался Третьяков, но все знают, что он создал Третьяковскую галерею». Все меняет положение, когда люди понимают, что деньги — это не цель, а средство. Прославлять нищету как благо, а богатство как порок — является

Вообще общество живет «на уровне глаза». При советской власти в городе не на чем было взгляд остановить: грязные стекла, заржавленные вывески и... все! Сегодня глаз начинает получать то, что должен, — жизнь со всем ее разнообразием: с грязью, мусором и неопрятностью, появились замечательные витрины, красивые товары. Ходишь и глazeешь. На Западе вообще глazeют всегда — это естественное желание. Можно ничего не покупать, а просто любоваться.

— Японцы считают, что если на твоём пути не встретилось трудностей, значит, как человек ты не состоялся, — купи их за любые деньги. Много трудностей было на вашем пути!

— Я считаю, что мне очень везло в жизни. Пока. Мне глупо жаловаться. Помните, как говорил Пушкин: «Не дай мне Бог, сойти с ума, уж лучше посох и сума...». Это очень точное выражение. Бог меня пока ума не лишил, а это значит, что лучше посох и сума. А трудности... У кого их нет? Я никогда не жаловался на судьбу, хотя трудностей было предостаточно, но в жизни я всегда делал то, что мне хотелось делать: нашел профессию, которую я очень люблю. А когда человек занимается любимым делом, да еще ему за это и деньги платят — это колоссальное счастье. Большинство людей работают только для того, чтобы заработать деньги, не любя своей профессии. Каждый, кто вклю-

А. Михалков-Кончаловский — личность почти легендарная. Он был и опальным, и официальным, и понятным, и загадочным. Он был «нашим», уехавшим в Америку, и «американцем», вернувшимся в Россию. Его фильмы всегда с нетерпением ждали, а потом взхлеб хвалили и взхлеб ругали. То же — и теперь. Но всегда несомненным было одно: он — большой художник со своим уникальным внутренним миром. Заглянуть в который и попробовал наш корреспондент.

Andrei Konchalovsky

Культура — 1994. — 2 июля. — С. 3.

Андрей Кончаловский:

«Я человек легкомысленный...»

очень православной традицией. И это нас во многом объясняет миру, объясняет неудачи, которые сейчас происходят вокруг нас, наше отношение к богатым со стороны народа: если человек богат, значит, вор. Другой вопрос, что в России воровство — качество, а вы сказали, в определенной мере присущее нам. Иностранцы еще в XVI веке писали: москали — люди шаткой честности, они лишены хороших правил, по их мнению, обмен служит доказательством большого ума. Но между толикой количества негодной травы растут также и хорошие растения... Ни в коем случае не желая преуменьшить достоинства нашего народа. Во всем мире есть люди, которые не испытывают угрызений совести, и есть, которые испытывают их; есть люди, которые хотят поделиться тем, что имеют, и есть те, кто не хотят этого делать. Казалось бы, богатому делиться легче. Но это тоже не так. Есть хорошая мудрость: с небольшим количеством вещей жить трудно, а с большим невозможно.

А насчет того, что я вижу, когда гляжу в окно... Я вижу крышу дома, напротив которого я живу, — objection строителей, иногда слышу пьяные крики, но это тоже не самое страшное. А с другой стороны, сейчас многое изменилось.

лен в свое дело, счастливый человек. Мне часто приходила в голову мысль: почему я не уехал раньше? Я не жалею, я всегда был занят работой, но хотел бы уехать раньше. Если бы уехал раньше — раньше бы вернулся. Я большому сумел бы научиться.

— И у вас нет ни на кого обид? Вам когда-нибудь смеялись в лицо, по-хамски!

— Вы знаете, смеялись. Критиков не всегда нужно слушать. Им трудно понять, что происходит внутри артиста. Часто они подходят к своей работе с преубеждением, с точки зрения своего отношения к художнику. Допустим, художника независимо от того, что его фильм не очень хороший, ругать не стоит, а вот художника, даже если у него хорошая картина, но мы его лично не любим... В общем, мы уже заранее знаем, что напишем о его работе. И поскольку у критика есть такое предрасположение, ему трудно от этого избавиться. Поэтому, скажем, мои фильмы механически делятся на русский период и американский. Вот когда я жил в России, меня ругали за картины, что я снял здесь. По-разному. «Асю Клячину» — за искажение действительности, «Дворянское гнездо» — за преувеличение дворянства, «Роман о влюбленных» — за соцреализм,

«Сибириаду» страшно ругали просто за то, что она есть. Вот я уехал в Америку, и те же самые критики, что ругали мои старые картины, теперь ругают американские: «Вот русские картины Кончаловского были такими русскими, а сейчас...». Теперь я приехал сюда и снял картину «Ближний круг» с американскими артистами о России. «Ну это для американских домохозяек», — сказали критики. В принципе, если художнику слушать, что они говорят, с ним может случиться все, что угодно. Вы знаете, что у Рахманинова из-за таких вот критиков был сильный нервный приступ, и он три года не сочинял музыку, а Чехов после «Чайки» бежал из Петербурга и сказал, что никогда больше не будет писать пьес. Вспоминаешь иногда знаменитую сцену Феллини... Помните, как критики дружно «разгромили» его за то, что он не борется за бедных и не проповедует в своих фильмах идеи социализма? Тогда он взял и снял замечательную сцену в картине «Восьмь с половиной», где вещал критика. Вздвигать на виселицу — сублимация многих желаний, которые имеет художник к критику. Потому отношения между ними не самые приятные. Вообще ведь критики, к сожалению, мало плодотворны. Для того чтобы

быть плодотворным критиком, мало иметь образование. Нужно иметь мужество и мудрость, уважать любую попытку понять человеческий характер, даже самую неудачную. Но дело в том, что в нашем обществе уважения никогда не было. В России есть любовь и ненависть. У нас поговорка: в ухо Сидору, в ноги Якову — очень точно отражает, как российская ментальность, в том числе и критики, относятся к реальности или к чьему-то мнению. Человека либо превозносят, либо растаптывают в пыль. Была такая замечательная писательница — Берберова. Так вот, она писала, что у китайцев есть понятие «шу» — то самое понятие, которое объединяет практически все классы, все общество, всех индивидуумов: китайское слово «шу» означает, что каждый человек, кем бы он ни был и что бы ни думал, должен уважать мнение другого. На Западе люди имеют одно общее священное «шу». И все уравнивается. Это равновесие и есть один из величайших факторов западной культуры и демократии. У русской интеллигенции не было общего «шу». Быть может, потому, что мы не всегда способны на компромисс. И само это слово на русском языке несет печать мелких подлостей. Компромисс. Наши герои

всегда бескомпромиссные люди! И эта бескомпромиссность пришла к нам еще от Белинского. Если почитать его... «Ногами топтать голову...» — там есть такие выражения! Русская критика знала, откуда расти. Почему я это все говорю? Потому что терпимость и компромисс — это самое главное для творческого плодотворного равновесия. В России, к сожалению, есть только либо обожание, либо ненависть. Ну если не ненависть, то отрицание. Поэтому, скажем, если пятнадцать лет назад «белые» были эмигрантами, проклятыми людьми народа, а те, кто верил в коммунизм, были замечательными, то сегодня те, кто верил коммунистам, бывшие коммунисты считаются врагами народа. Все! Уже не важно: порядочные это люди или нет. А те, кто жил за границей, когда приезжают сюда (какая-либо бабуля или какой-то господин — может быть, и предок старейшего русского рода) — как же вокруг них танцуют, как их слушают! Каждое слово воспринимается как абсолютизм! Маловато равновесия. Мне кажется, что в русской журналистике присутствует этакая кавалерийская легкость мысли — резвятся, как дети. Говорят ли о президенте, говорят ли о Думе, говорят ли о художнике — нет и видимости уважения.

— Отчего это происходит? у нас что, нет порядочных людей? Или же хорошие люди всегда слабы, потому что они хороши тем, что недостаточно сильны, чтобы быть дурными!

— Дело в том, что русскому человеку свойственна рабская психология. Об этом говорили Чаадаев, Чехов, Бердяев. Помните, Бердяев писал: чувство вины — это чувство господина, чувство мести — это чувство раба. Вот когда мы почувствуем по-настоящему свою вину, тогда мы станем господами. Но это не значит, что нет людей, которые не в состоянии сдерживать свои эмоции и попытаться рассмотреть, понять свою собственную жизнь и жизнь других. Эта проблема всегда существовала в России и еще долго будет существовать.

— Есть люди, которые получают истинное наслаждение от возможности унижить своих более порядочных и более талантливых собратьев. Такие люди как-то смогли повлиять на вашу жизнь!

— Я редко вижу их, но каждый раз, когда я встречаю своих врагов, меня берет недоумение: почему? Что я им плохого сделал? Но поскольку я по знаку зодиака — Лев, как правило, ухожу от конфликтов. Лев — существо очень миролюбивое. В принципе, конфликтов у меня с этими людьми никогда не было. Даже с советской властью, которая запрещала мои картины, которая не пускала меня на Запад, когда я хотел уехать. А если они и были, то о них никто не знает. И на Западе я никогда не жаловался на советскую власть. Хотя я вам уже сказал: жалко, что не уехал раньше, потому что раньше бы понял Россию — в хорошем смысле этого слова. Вообще у каждого человека в жизни свой путь и свои ошибки. Конечно, я буду неискренен, если скажу, что я им очень благодарен. Вообще я считаю, что недоброжелательство — это грех. И тоже российский. И я, кстати, тоже не лишен этого греха. Но по крайней мере я пытаюсь внутренне его стыдиться и сдерживать себя. Конечно, с возрастом плохое забывается, но я никогда не забуду некоторых фраз, которые были сказаны мне в лицо. После таких воспоминаний у меня в душе остается чувство горечи. Но с другой стороны, помните, кто-то из мудрецов, сказал: женись обязательно! Попадется хорошая жена — будешь счастливым человеком, плохая — станешь хорошим философом. В данном случае я это могу отнести и к критике. Предположим, к доброжелательности. Если бы они меня все хвалили, я бы был счастливым, но меньше бы знал действительность, а теперь я стал еще и философом, во всяком случае пытаюсь им быть — философски отношусь к жизни.

— А к потерям вы тоже относитесь так же! У вас их было много!

— Человек с возрастом перестает из одного состояния в другое — из бытия в небытие. Может быть, я недостаточно чувствительный человек, как вы думаете? Я действительно отключился к многим вещам философски, а может быть, надо было как-то иначе? Конечно, самая большая потеря для меня — потеря матери. Но она

совершалась постепенно. Не потому, что мама была больна, а потому, что я сознательно ее потерял, когда уехал. Мой отъезд за границу был большим ударом для всей семьи и для меня тоже. Но меня вела неведомая сила, и я ничего не мог с собой поделать. Тогда мне было уже sorrow два года, но для матери все равно это было ударом. И это тоже очень российское. В России семья — это святое. Так было всегда. Я не знал, увижу ли я маму? Потом были отчаянные письма друг другу. С матерью у меня отношения были очень напряженные — в хорошем смысле этого слова. Я был ее первый сын, но это вовсе не значит, что моя мама по-другому относилась к остальным детям. Вообще с потерей матери человек в любом возрасте остается сиротой. Слава Богу, что жив отец. Есть люди, которые легко расстаются с дорогими понятиями — без боязни. Я бы даже сказал, с облегчением. А есть люди, которые ни с чем не расстаются легко. В некоторых квартирах все сохраняется: веревочки, тряпочки, жестяночки, баночки — на всякий случай. А есть такие, которые выбрасывают даже нужные вещи, как хлам, оставляя только необходимое. То же самое происходит и с человеческим сознанием, с душой.

— Андрей Сергеевич, вы всегда верили в себя или же были случаи, когда опускались руки!

— Еще как опускались! Это самое страшное состояние. Это обычно бывает, когда я начинаю новую картину: вот сейчас они все узнают, что я жулик. Сейчас они поймут, что я все время их обманывал... Вот сейчас... Наконец-то! И вот это ощущение, что они наконец-то поймут, что ты самозванец, и есть условный страх, и я не раз просыпался в холодном поту от этого состояния. Но проходит время, и все встает на свои места. А бывает и настоящая депрессия, когда чувствуешь, что ты делаешь все неправильно, что занимаешься не своим делом. В Америке у меня такое было, когда я три года ничего не снимал. Что было делать? Продавать бутерброды? Ехать обратно в Россию? Тогда это было невозможно.

— Скажите, вы любите себя?

— Люблю. Я счастливый человек. Но когда я себя не люблю, то гоню эти мысли, пытаюсь бежать от них. Я себя люблю, не потому что я хороший, а потому что другого себя у меня нет.

— А женщин вы любите!

— Господи, да как же их не любить? Я очень люблю жизнь и потому люблю женщин. Когда говорят, что мужчины умнее женщин — все это чушь! Это женщина выбирает себе мужчину, а потом так искусно «растравляет свои сети», что ему начинает казаться, что это он ее выбрал. Иногда они заставляют меня делать необдуманные вещи. Женщины часто провоцируют в мужчине юношескую влюбленность, незрелое существо. Но это вовсе не значит, что все мужчины бегут за каждой юбкой, хотя это тоже прекрасное ощущение и желание: обожать женщину и постоянно ее завоевывать —

это бесконечная война. Но счастлив тот мужчина, который всю жизнь завоевывает одну и ту же женщину. А это очень сложно. Для художника тем более. Художники всегда делились между двумя женщинами: между женщиной, к которой он стремится — недоступной даме, и между той, которая терпит присутствие этой дамы. И одна была у него на небесах — для души, а другая на земле — без этого художник жить не может. Жена художника — это тяжелый профессионализм. Художник — эгоист. Скрывает он это или нет, но в жизни он может быть человеком отзывчивым, думающим о других, но как только на балкане ставится его творческая потенция, он все может отметить ради того, чтобы остаться наедине со своим творчеством, со своим «я». Есть, к сожалению, женщины, которые этого не понимают и пытаются мужчину сделать менее эгоцентричным. А с художником этого делать нельзя, потому что тогда он бросает эту женщину. Ведь художнику что нужно? По этому поводу очень хорошо сказал Рахманинов: «Жена художника всю жизнь должна говорить ему три вещи: что он гений, что он гений и что он гений... И он никогда ее не оставит». Моравна сказал: у художника может быть только один недостаток — бесплодие...

— Есть мнение, что настоящей серьезности человек достигает лишь перед смертью. Неужели вся наша жизнь — легкомыслие!

— Индусы говорят так: смерть ежедневно стучится к нам в двери, а мы, как дети, не понимаем, что это ее стук, живем, как будто мы бессмертны. Жизнь делится как бы на три части: первая ее часть — это ощущение, что смерть не наступит никогда; что ты вечен; вторая — когда ты проглядываешь ее за своей спиной и начинаешь чувствовать, как между лопатками дует сквозняк, и тогда наступает — я называю это «синдром Че Гевары» — желание уехать на край света и делать мировую революцию, при этом ни в коем случае не умереть, не увидев результата своего труда. Это обычно бывает в сорок лет. В этом возрасте Че Гевара уехал в Боливию, Ленин делал революцию в России. То есть в сорок лет ты начинаешь понимать, что главное свое дело надо делать именно сейчас или никогда. И, наверно, третий момент, это когда принимаешь смерть, как неизбежность, а жизнь, как подарок. Но случается это по-разному. Лично я боюсь смерти, хотя понимаю ее неизбежность, и это толкает меня на определенный выбор в творчестве и в жизни.

— Говорят, что каждый человек должен пережить свою «страстную неделю». Как вы думаете, вы ее уже пережили или она еще впереди!

— Никто не знает, насколько может быть хуже. И не приведи Господи, чтобы это случилось. Может быть, я уже и пережил свою «страстную неделю»? Не знаю. Но я знаю одно: я человек легкомысленный и не думаю, что жизнь меня многому научила.

Беседу вела Лидия ГАЛУЩЕНКО.